

История философии

58. Феноменология разума Гегеля.

Автор: д-р Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Как он вам? Сразу же после встречи с Робертом Фитчем я получил от него отзыв: он ужасен. В конце концов, после Канта, если кто-то ужасен, это звучит странно. Мне казалось, после Канта всё должно быть просто.

Но я сказал Бобу, что проблема не в переводе. Он винил в этом перевод. Я же думаю, что проблема скорее в образе мышления.

Да, словарный запас несколько ограничен, но к этому привыкаешь. Но вот способ мышления... Видите ли, Кант по-прежнему занимался тем, что сегодня известно как линейное мышление, прослеживая линию аргументации, пытаюсь выявить лежащие в основе предпосылки или трансцендентальные предпосылки, эти скрытые понятия.

А затем в диалектике он просто исследует логику аргумента и находит места, где встречаются логические несоответствия. И вы к этому привыкли. По сути, он использует аристотелевскую логику, основанную на линейном выводе, шаг за шагом.

И вы можете следовать шаг за шагом. Но это не Гегель, понимаете. Гегель больше похож на погружение в бассейн и попытку сориентироваться.

И я говорю это потому, что это как бассейн, в котором вы потеряли из виду его периметр. Вы пытаетесь понять, что находится в этом направлении, а что в том. Вы пытаетесь определить свое местоположение.

Но для этого нужно найти точки отсчета в самых разных направлениях. И получается, что Гегель словно приземляется в самом центре чего-то и посылает сигналы во всех направлениях, векторах, пытаюсь определить свое место относительно других объектов в окружающей среде. Так что это совершенно иной опыт чтения.

Говоря более формально и возвращаясь к тому, о чём мы говорили в прошлый раз, Кант занимается дедуктивным мышлением, прослеживая логическую связь между утверждениями. Его логика — это логика утверждений.

И речь идет о логическом выводе из одного утверждения в другое. Гегель имеет дело не с утверждениями, а с понятиями.

Он анализирует концепции. Разбирает концепции по частям. Это совсем другое дело.

Это смешение метафор после пребывания в бассейне. Но это другой способ мышления. Видите ли, эта грандиозная схема его системы, которую я вам представил в виде наброска со всеми этими «один», «два», «три», тезисом, антитезисом, синтезом.

Видите ли, всё начинается с самого абстрактного понятия — бытия. Всё остальное — это попытка исследовать концепцию бытия. Сделать её более конкретной.

Нет. Что вы имеете в виду под «бытием»? Видите ли, это как если бы Кант сказал нам, что существование, бытие, не является предикатом.

Это не концепция. На что Гегель отвечает: «Вы так думаете. Я вам покажу».

Ого, ему понадобилась целая книга, чтобы нам это показать. И даже больше. Понимаете?

Сам факт существования. Нет, это может быть и не бытие. Это просто дано.

Эта чистая фактичность. Факт без смысла. Существование без сущности.

Но у Гегеля этого не найти. Видите ли, Гегель, как я уже намекнул в прошлый раз, в этом отношении гораздо больше возвращается к греческому этосу.

Понимаете, потому что понятие бытия наполнено множеством смыслов. Он пытается их распутать, разобраться в них.

Как проникнуть в суть концепции? Ну, его способ проникнуть в неё — это своего рода блуждание, когда он задаёт себе вопрос: «В таком свободном режиме размышления, если я скажу бытие, что приходит вам на ум?» А? Да. Небытие. Быть или не быть, вот в чём вопрос, не так ли? Лучше ли, понимаете?

Бытие, небытие, есть или нет — так ли это? Потому что если вы спрашиваете, есть кто-то или нет, то в каком смысле вы это имеете в виду? В какой момент времени? И сразу же вы начинаете понимать, что бытие и небытие, хотя и кажутся антитезами, взаимоисключающими, в некотором смысле объединяются, когда вы думаете о становлении. Потому что всё, что находится в процессе становления, — это то, чем оно не было, и это не то, чем оно было, понимаете. Это то, чем оно ещё не совсем является, но почти является, понимаете.

В мире перемен не существует ничего статичного. И поэтому вы понимаете, что то, чего нет, вот-вот появится. А то, что вот-вот появится, уже не существует.

Такова природа становления, то есть конкретное представление о бытии. И поэтому он пытается сделать это немного более конкретным. И вот, собственно, и вся схема.

Он переходит к другим измерениям концепции бытия, не просто утвердительным или отрицательным, но и к тому, сколько, в каком количестве, всё, что-то и так далее, а затем от существования к сущности. Потому что, хотя на первый взгляд, в статичной логике, кажется, что сущность и существование противостоят друг другу, сам факт существования отличается от того, что оно есть.

Можно сказать, что существование предшествует сущности. Именно это и скажет Сартр. И Сартр порывает с Гегелем.

Потому что для Гегеля нет существования без сущности. Поэтому, хотя в абстрактном плане эти два понятия противостоят друг другу как противоположности, в конкретной реальности они сходятся. Понимаете?

И поэтому ему приходится перенести свою логику к реальному понятию бытия. Обратите внимание, он говорит: «понятие». Да, бытие — это понятие.

Это не пустой, бессмысленный факт. А концепция, наполненная смыслом. Понимаете?

И он продолжает работать именно так. Вот такой у него образ мышления, Боб. И если вы будете помнить об этом, читая дальше, то значительно приблизитесь к пониманию того, что он делает.

И мы приведем несколько иллюстраций по ходу дела. Но пока позвольте мне, если я смогу найти, прочесть вам короткий отрывок из его логики. Из раздела о сущности.

И я думаю, вы понимаете, что он здесь делает. Там говорится, что в доктрине противоречивых понятий одно понятие, скажем, синий, противопоставляется другому понятию, не синему. Это другое понятие не будет утвердительным, как желтый, а будет лишь абстрактно отрицательным, не синему.

Отрицательное по своей природе является чем-то совершенно положительным. Но бессмысленное противопоставление, бессмысленное — это его слово, бессмысленное противопоставление между так называемыми противоречивыми понятиями в полной мере проявляется в грандиозной

формуле общего закона. Всё, что имеет одно, но не имеет другого из всех предикатов, находящихся в таком противопоставлении.

Таким образом, всё либо синее, либо не синее. Ты либо синий, либо не синий. Белый или не белый.

Жёлтый он или не белый. Информативно, не правда ли? Знаете, это пусто, бессмысленно. Это ничего не говорит.

Забывто, что тождественность и противоположность сами по себе противоположны, и что существует принцип противоречия. Но в противоположность этой доктрине противоречий он говорит о концепции полярности. Так что, если хотите, бытие и небытие находятся на двух полюсах континуума.

Видите ли. И, следовательно, это гораздо более правильное определение оппозиции . Полярность . И поэтому он говорит о целом множестве полярностей, не только о бытии и небытии, но и о конечном и бесконечном, идеальном и реальном, едином и множественном, универсальном и частном, явлении и реальности, разуме и реальности.

Видите ли, в статической логике они выступают в роли антитез . Но в действительности всё принимает участие в обеих полярностях. Что ж, мы видим это у Гегеля.

Сразу после перерыва мы будем читать Уайтхеда. И я снова обращаю ваше внимание на это, потому что в предисловии к своему главному труду «Процесс и реальность» он говорит, что на него оказал большое влияние Ф. Х. Брэдли, британский гегельянец, в плане отказа от всех этих полярностей. Поэтому имейте в виду, что Уайтхед, которого вы будете читать, подобно Гегелю, отвергает эти полярности и работает в рамках диалектики.

Главное отличие в том, что он не является метафизическим идеалистом. Уайтхед — нет. Уайтхед переносит гегелевскую схему на более натуралистическую основу.

Видите ли, мы переходим к более натуралистической основе с точки зрения естественных процессов эволюции и развития. То же самое можно сказать и о Джоне Дьюи, которого мы будем читать на следующей неделе после Уайтхеда. Дело в том, что оба они начинали с философских корней в гегелевской традиции, а затем перешли к своего рода натуралистической метафизике.

Поэтому имейте это в виду. Это чрезвычайно важно. Если вы помните программу курса, вы помните, что сейчас все сводится к экзистенциализму; я назвал XIX и XX века наследниками Гегеля.

Это справедливо в отношении Уайтхеда и процессуальной теологии. Это справедливо в отношении Джона Дьюи и американского прагматизма. Это справедливо в отношении европейской феноменологии и экзистенциализма.

Это справедливо и для марксизма. И именно эта диалектика является важнейшим моментом. Теперь вспомните, что означает слово «диалектика».

В буквальном смысле, *dialego*, обдумать что-либо. Понимаете, речь идёт не о следовании цепочке умозаключений, а об обдумывании чего-либо. Анализ.

Итак, диалектика, этот способ мышления, осмысливает понятие бытия, а затем и второстепенные понятия, которые возникают в этом процессе как аспекты бытия. Хорошо. Это немного помогает? Надеюсь, это дает вам некоторое представление о том, что вы делаете.

Хорошо. Позвольте мне упомянуть еще одну полезную книгу. Возможно, я обращался к ней по ходу дела.

Но это книга одной из наших выпускниц, Мерил Вестфолл. И, на мой взгляд, это одно из самых читабельных произведений о Гегеле. Она называется «История и истина в феноменологии сознания Гегеля».

История и истина в «Феноменологии сознания» Гегеля. У Вестфолла есть более поздняя книга по «Философии религии» Гегеля, которую я еще не читал. Но эта книга показалась мне особенно полезной.

Хорошо. Интересно, есть ли какие-нибудь комментарии, прежде чем мы продолжим? Комментарии, вопросы? Хорошо. Все получили копию конспекта Гегеля с прошлого раза? Кто-нибудь нет? Он есть у всех.

Хорошо. Давайте тогда обратим наше внимание на феноменологию разума или духа. Термин, старое англосаксонское слово, означает призрак, дух.

Если я говорю, что нужно иметь в виду, что он подразумевает под разумом, я не пытаюсь играть словами. Но задумайтесь на мгновение: под разумом или духом он в первую очередь подразумевает не какую-то субстанцию души. Потому что Гегель не работает с субстанциальной метафизикой.

Его метафизика — это метафизика процесса. Это важное различие, восходящее к досократикам. Как вы помните, некоторые из них искали основополагающее, лежащую в основе субстанцию, неизменную.

И, полагаю, в этом смысле субстанциальная метафизика находит свое воплощение в трудах Парменида. А другие, например Гераклит, больше интересовались пониманием процесса и считали процесс более значимым, чем неизменная субстанция. Помните Гераклита, который никогда не входил в одну и ту же реку дважды? Так вот, это чередование, эти противоположности между процессом и субстанцией, существуют с тех пор.

Но в целом, философское движение, начавшееся с Декарта, ориентировано на субстанцию. Возможно, это произошло под влиянием механистической науки, где материя часто представлялась инертным веществом.

Постоянные, неизменные, неделимые частицы инертной материи. Что ж, это понятие неизменной материи легко переносится на понятие разума или души как неизменного субстрата. Думаю, справедливо будет сказать, что Кант положил этому конец.

Кант, конечно же, не просто предположил, что понятие субстанции — это наша идея, а субъективное представление, которое мы накладываем на вещи. А Гегеля этот вопрос не интересует.

Его интересует скорее духовная составляющая, чем чувство творческой энергии. Чувство зарождающегося сознания и самосознания. Творческий дух, который пульсирует во всем, если использовать романтическое представление.

Таким образом, если мы попытаемся охарактеризовать метафизику Гегеля, и я уже охарактеризовал её в прошлый раз несколькими способами, то её вполне можно охарактеризовать как романтический идеализм. Да, это концепция, согласно которой всё в конечном счёте имеет природу разума или духа, но понимается она в романтическом смысле как проявление творческой свободы, вырывающейся наружу. Или, если хотите, это эволюционный идеализм.

Там, где всё, что потенциально созидательно, движется к полному проявлению своего творческого духа. Своей свободы духа. И поэтому не только биологическая эволюция рассматривается в этих терминах, в витализме, но и культурная эволюция рассматривается в этих же терминах.

Историческое развитие рассматривается именно в таком ключе. История искусства рассматривается именно в таком ключе. История религии рассматривается именно в таком ключе.

Всё большее проявление свободы духа отражается в религиозных верованиях, образах, практиках и так далее. Это эволюционный идеализм. А диалектика — это просто логика, которая прослеживает этот процесс.

Да, логика, которая прослеживает этот процесс. Она ориентирована на этот процесс. Тезис, антитезис, синтез — это процесс размышления, и это процесс постижения реальности.

Видите ли, рациональное — это и есть реальность. Следовательно, рефлексивный процесс тоже является реальным процессом. Это совпадает.

Именно поэтому мы видим, что Гегель переходит от первоначального грандиозного тезиса логики, представляющего собой абстрактную форму мышления, к природе, которая является бессознательным проявлением мышления. Дух, объединяющий абстрактную форму и бессознательное проявление в развивающемся сознании.

И его волнует развитие индивидуального самосознания. Его волнует развитие общественного сознания, как в смысле вашего общественного сознания, так и в смысле формирования самоидентичности общества, государства, нации. И его волнует развитие полной самоограниченности, самосознания в истории абсолютного, всеобъемлющего духа.

Все три. Так что, если первая выглядит как произведение по интроспективной психологии, читается именно так, а вторая читается как книга по этике, то третья звучит как исследование культурной истории. Искусство, религия и философия в их развитии.

Пока вы не дойдете до кульминации всего этого. Если здесь философия, искусство, религия, философия, если философия — это синтез здесь, то в чем же заключается кульминация, великий синтез в философии? Но это философия Гегеля. Понимаете? Где в расцвете немецкого духа, немецкой национальной идентичности и немецкой культуры вы наконец-то ясно постигаете эту концепцию, полностью раскрываете ее смысл.

Таким образом, в некотором смысле Гегель рассматривает свою философию не как философию, которая положит конец всем философиям, а как философию, после которой все остальное — это лишь ряд примечаний к Гегелю. Понимаете? Да. Да, понимаете, когда дело доходит до окончательного синтеза, все детали, все «колеса внутри колес» должны быть проработаны.

Но после окончательного синтеза ничего не происходит. Знаете, вы посмеетесь, но именно такова была гегелевская диалектика, даже в перенесенной в марксистскую теорию, которая основана скорее на материалистических, чем на

идеалистических принципах. Видите ли, марксистская точка зрения заключается в переходе от тезиса капитализма к антитезису диктатуры пролетариата и к синтезу бесклассового общества.

Что будет дальше? Ничего. Потому что в бесклассовом обществе вы приняли все противоположности. Теперь оно бесклассовое; нет классового конфликта, нет диалектики.

Вот и конец. Вот и настало тысячелетие. Понимаете ? Вот он, эволюционный оптимизм XIX века.

Именно отсюда, по словам Гегеля, и взялся эволюционный оптимизм XIX века. Вот откуда он взялся. Да.

Если мы сможем разрешить все диалектические противоречия, то мы добьемся успеха. Хорошо, это общая картина, и мы хотим немного подробнее рассмотреть некоторые ее аспекты. Внутри субъективного духа происходит постепенное освобождение.

Мы говорили, что это и есть раскрытие свободы. Постепенное освобождение разума от чувств. Постепенное освобождение разума от чувств.

Вот такой идеализм его и волнует. Почему же он освобождает разум от чувственного восприятия? Во-первых, он явно не собирается быть эмпиристом. Почему? Потому что эмпиризм, как понимал Платон, — это мир перемен.

И если мы стремимся к неизменной концепции, к великому синтезу, то в конечном счете процесс изменений не подчиняется чувственному восприятию . Он подчиняется источнику формы, порядка и неизменности. Поэтому Гегель, что вполне понятно, заинтересован в освобождении разума от его зависимости от чувств.

И это достигает своей кульминации, понимаете, когда в искусстве, о да, вы творчески работаете с чувственным материалом. Видите ли, разум действительно работает, и особенно если вы романтик, то воображение, а не рабское подчинение, работает с чувственным материалом. А в религии — тем более.

А в философии — да. Именно там можно найти наиболее конкретную информацию. Да.

Большинство конкретных мыслей рождается в философии. Понимаете ? Потому что мышление имеет дело с понятиями, а не с чувственными объектами. Вот чего он добивается.

Избегание статичных, абстрактных вещей и развитие конкретного . Теперь, когда он имеет дело с этим, помните, что линза, через которую он видит вещи на этом огромном экране, — это линза нашего собственного самосознания. Хорошо? Итак, то, что он делает в этой феноменологии, помните, феноменология — это описание, а то, чем он занимается, иногда — это имитация.

Ролевая игра. Эмпатическое описание. Он погружается в размышления, в чувства человека, находящегося в описываемой ситуации.

Вникать в это с эмпатией, не стоять в стороне и не описывать поведение, а проникнуть внутрь, чтобы уловить, каково это — находиться в формирующемся сознании. Понимаете ? Феноменология, как мы увидим в XX веке, занимается изучением структур нашего сознательного бытия в мире.

Понимаете ? Он пытается проследить диалектическую структуру нашего сознательного бытия в мире. Он не пытается рассматривать сознание в отрыве от мира. В этом была ошибка Декарта, который, запершись в отапливаемой печию комнате, задавался вопросом, существует ли мир.

Насколько абстрактными могут быть ваши рассуждения? Понимаете ? Уильям Темпл, неогегельянский философ из Англии, стал архиепископом Кентерберийским в 1940-х годах. В одной из его книг есть глава под названием «Ошибка Декарта». Его ошибка заключалась в том, что он заперся в комнате и задался вопросом, существует ли вообще что-либо.

Разве вы не можете представить себе Декарта, подбрасывающего дрова в печь, чтобы согреться, и одновременно размышляющего о существовании своего тела? Знаете, эта самопротиворечивость абстрактного. Но нет, речь идёт о структурах сознательного бытия. Обратите внимание на термин «бытие».

Вы видите концепцию бытия. Что такое бытие, раскрывается через наше самосознание. Поэтому вы рассматриваете наше самосознательное бытие в мире в отношении к нему .

Видите ли, в XVII и XVIII веках существовала тенденция считать человека Робинзоном Крузо. Робинзон Крузо был социальным философом. Он был не просто писателем детских сказок.

Когда он писал «Робинзона Крузо», это была социальная сатира. В своих более философских произведениях Даниэль Дефо пишет об изолированном человеке, управляемом разумом, самодостаточном, живущем в одиночестве на своем острове со своими козами и охранником. Разве не так? И ему не нужны другие.

Он способен подчинить природу законам разума и обеспечить себя сам. Когда приходят дикари, он держится от них подальше, пока не видит, что они собираются готовить ужин в пятницу. Поэтому он спасает Пятницу, но держит его в подчинении, пока тот не станет достаточно рациональным, чтобы они смогли заключить общественный договор.

Когда приходят испанские моряки, они держатся от них подальше. Они ведут себя нерационально. А вот когда приходят британские моряки, это уже совсем другая история.

Они заключают общественный договор и отплывают обратно в Англию. Однако Дефо знал, что делал. Индивид — это изолированный остров, самодостаточный, чего нельзя сказать о Гегеле.

Не существует индивида в изоляции. Даже самосознание не существует в изоляции. Видите ли, его интересуют структуры нашего сознательного бытия в мире.

В мире нет другого существа, кроме индивида. Жаль только, что Гегель не написал ещё одного Робинзона Крузо, чтобы это изобразить. Это было бы немного лучше, чем моя феноменология, не так ли, Боб? Может, тебе стоит это сделать?

Итак, он начинает с субъективного духа. И если у вас есть этот план, вы заметите, что область субъективного или индивидуального духа начинается с тезиса, касающегося чувственного сознания. Теперь вы увидите, что чувственное сознание — это не то же самое, что самосознание.

Чувственное сознание — это то, что действительно есть у животного. Фактически, этот уровень диалектики просто переносится из конца великой антитезы о природе, рассматривающей организмы, которая свелась к описанию физиологии, а физиология порождает сознание у животных. Таким образом, чувственное сознание — это просто, если хотите, часть синтеза в природе, которая теперь становится тезисом для новой антитезы.

Чувственное сознание коренится в биологических процессах мозга и сенсорном восприятии. Но чувственное сознание — это просто сознание другого. Сознание другого.

И это противоречит самосознанию. Чувственное сознание, самосознание. Но вы по-настоящему не обретете свободу ума, духа, разума, пока это самосознание, взаимодействуя с миром чувственного сознания, не обретет свою свободу в этом мире чувственного сознания.

Таким образом, речь идёт не просто об изолированном самосознании, а о самосознании в действии, рефлексивном, рациональном, свободном, творческом, формирующем мир чувственного сознания. И это является ступенькой к объективному духу, к разговорам о законе и порядке в обществе. Потому что что такое закон и порядок? Это работа разума по упорядочиванию мира чувственного сознания.

Понимаете переходы? Итак, в антологии есть два произведения из раздела о субъективном духе. Одно — это отношения господина и слуги, а другое — стоическое, скептическое, несчастное сознание. Что происходит в этих отрывках? Ну, я думаю, в свете того, что я сказал, вы уже можете предугадать, что происходит.

Произведение о взаимоотношениях господина и слуги широко известно. К нему постоянно обращаются. Именно из этого вытекает концепция отчуждения.

Концепция отчуждения присутствовала у ранних экзистенциалистов, у Маркса и Энгельса, и даже в современном движении политической корректности. Дело в том, что утверждение политической корректности используется для преодоления отчуждения меньшинств. Концепция отчуждения.

Мы обнаружим это у Сартра, и снова вернемся к этому. В сущности, речь идет о том, что самосознание достигается только во взаимосвязи с другим. Понимаете? Самосознание достигается только во взаимосвязи с другим.

Итак, это, если хотите, феноменология зарождающегося самосознания. Это эмпатическое описание того, через что проходит хозяин, через что проходит слуга, через что они проходят во взаимоотношениях друг с другом. Видите ли, даже с точки зрения значения слов «хозяин» и «слуга», не бывает хозяина, у которого нет слуги.

Он не хозяин, если у него его нет. Не бывает слуги, если у него нет хозяина. Понимаете? Кем он является? Он сам не знает.

Он безработный. Поэтому идентичность человека зависит от этих отношений. Идентичность человека зависит от этих отношений.

Но в то же время, нет субъекта без объекта. Нет объекта без субъекта, объектом которого он является. Это реляционные термины.

Это полярности. Вот и всё. Полярности.

И именно диалектику он исследует, диалектику внутри этой полярности. Изолированное «я» всегда неполно. Мы должны рассматривать индивидуальное «я» во взаимосвязи с другим.

Теперь, чтобы достичь самоидентификации, тот, кто противостоит другому, считает, что должен его устранить, отрицать. Я — господин. После чего слуга делает господина полностью зависимым от себя.

Так кто же теперь хозяин? Видите ли, саморазрушительное, самопротиворечие заключается в утверждении, что я сам являюсь хозяином, потому что, чтобы быть хозяином, мне нужен слуга, от которого я завишу, и который тогда становится хозяином. Здесь присутствует самопротиворечие. Отношения хозяин-слуга.

Таким образом, чтобы быть уверенным в себе, я отрицаю другого, но, поступая так, я отрицаю и себя. Слово «отрицать» часто используется у Гегеля и в литературе о Гегеле. Оно просто означает наличие антитезиса.

Антитезис отрицает тезис. Они противоположны. Немецкий термин — Aufheben.

Это значит, если переводить буквально, что это уже было. Что это уже было. У вас это было.

Вы его отрицаете. На этом всё. Тезис делает то же самое с антитезисом.

Антитезис делает это с тезисом. Но затем постепенно начинает проявляться их взаимозависимость. Учитель считает себя независимым.

Слуга зависим. Господин — это то, что он есть для себя. Слуга — это то, что он есть для другого.

Но господин независим лишь благодаря своей зависимости от другого. А слуга, будучи предназначенным другому, достигает не только своей зависимости, но и некоторой независимости. Он сам для себя то, что он есть.

Помните фильмы «Вверх и вниз по лестнице»? Они были сняты до вашей эпохи? Наверное, у вас были недоуменные взгляды. Это была эдвардианская эпоха в Англии, когда аристократическая семья наверху имела слуг внизу, среди которых особенно выделялся дворецкий. Поэтому, когда европейская знать приходила на ужин, они хотели познакомиться с дворецким.

Можете себе представить? Видите ли, этот дворецкий, будучи слугой своего господина, достиг такого положения, что знать хотела с ним встретиться. Он не

смог бы сделать это в одиночку. И господин не смог бы стать тем, кем он был, без слуги.

Финальная сцена сериала стала очень счастливым завершением истории: слуга, дворецкий, настолько болен, что вынужден уйти на пенсию, а хозяин садится рядом с его кроватью в подвале, и они разговаривают как старые друзья. И барьеры исчезают. И возникает взаимопонимание, достигается синтез отношений.

Я не знаю, читал ли автор «Верхнего и нижнего этажей» Гегеля, но мне это показалось именно так. Отношения господина и слуги. Взаимозависимость, понимаете, заключается не в зависимости отдельных личностей.

Дело не в том, что индивидуальность означает независимость. Боюсь, именно это разрушало браки с развитием некоторых аспектов феминистского движения, потому что феминистское движение стремилось к независимости, а не к взаимной зависимости. Они старались избегать зависимости и стремились к независимости, а не к взаимозависимости.

И это стало очень проблематичной проблемой в нашем обществе. Я думаю, нам нужно преодолеть чрезмерную зависимость, но не в условиях недостижимой независимости. Это индивидуалистический настрой XVIII века.

Это взаимозависимость, когда все элементы объединяются, происходит синтез. Подобную картину можно увидеть и в стоическом, скептическом, несчастном сознании. Стоик – это, по сути, стадия тезиса, потому что стоик, обретая свободу мысли, утверждает свою независимость от всего внешнего.

Помните стоическое отношение? В свободе своего разума я независим от того, что может случиться с моим телом. Помните Эпиктета, раба, которому хозяин сломал ногу? Он стоически это перенес. Хорошо, вот и стадия тезиса, стоицизм.

Скептик заходит в этом направлении ещё дальше. В своём мышлении скептик отрицает саму реальность другого. Исключает его из рассмотрения.

Он относится к нему непостоянно. Но что же тогда делать? Переходишь от стоицизма к скептицизму, полностью отрицая другого, к несчастному сознанию. Это человек, отчужденный от самого себя.

Да, потому что, отрицая другого, я отрицаю свою собственную идентичность по отношению к другому. И поэтому скептик, который ничего не знает ни о чём в отношении к самому себе, будет крайне несчастным сознанием. Это наводит меня на мысль, что Гегель, должно быть, когда-то преподавал студентам.

Потому что, я думаю, это явление, которое мы все наблюдаем, понимаете. Человек, который на какое-то время переходит в скептическую фазу в процессе развития, испытывает сильное внутреннее неудовлетворение. Потому что нет идентичности по отношению к тому, что есть.

Мы не изолированные личности в вакууме, в отапливаемой печью комнате, а находимся во взаимоотношениях. для других. Понятно? Значит, это раздвоенное «я», неполное «я», — это несчастное сознание. А синтез внутри субъективного духа — это, по сути, подлинно рациональный дух.

Разум, выходящий за рамки простого наблюдения за миром чувств и за иным, выходящий за рамки простого размышления о собственной независимой идентичности, становится рефлексивным, рациональным существом, обращаясь к упорядоченности мира, с которым мы связаны. Если для Канта существует свобода, то это всегда будет свобода в рамках закона. Это никогда не будет свободой делать что угодно, как захочешь.

Это свобода в рамках закона. Это рациональный подход. И это потому, что не существует существования без сущности.

Потому что во всём сущем существует логос-структура. Поэтому индивид должен находиться во взаимоотношениях с другим, в рамках правовой структуры. Ну, это помогает понять происходящее? Комментируйте? Я оставляю вам возможность самостоятельно разобраться в более детальных аспектах диалектики отношений господин-слуга, но я думаю, что если вы видите, что происходит, вы сможете довольно хорошо это понять .

Хорошо? Тогда несколько слов об объективном духе. Объективный дух. И здесь вы заметите, что триада отходит от абстрактного понятия права.

Понятно? В конце концов, понятие права — это абстракция. В противоположность этому, оно касается вопросов индивидуальной совести и морали. Право в абстрактном смысле — в самом конкретном.

К синтезу общественной морали, общественного порядка. Как я уже говорил, абстрактное право обеспечивает контекст для рассмотрения свободы. Абстрактное право — это правило разума.

Это кантовская концепция всеобщего долга. И нужно признать, что кантовская концепция долга — это абстракция, очень абстрактная. Право в абстрактном смысле связано с правами.

Права человека воспринимаются как нечто объективное. Основанное на реальности . Конечно, это абстракция.

Но нужно разобраться в этом понятии. Нужно раскрыть его суть. И вы начинаете это делать, когда отходите от этих универсальных абстракций о законе и правах.

К вопросам индивидуального сознания. От чего-то вроде закона, который является полностью объективным, к чему-то вроде совести, которая очень интровертна.

В смысле внутренней сущности, это очень субъективно. От разговоров об объективном долге до разговоров о собственном сознании. Конечно, Кант работает и с тем, и с другим.

Действуя из чувства долга. Его подход можно сравнить с философией морального чувства, а также с одним из объективных прав и обязанностей.

Тезис и антитезис. Но Гегель стремится объединить эти два понятия в синтезе социальной этики, обращаясь к социальному порядку.

Видите ли, именно здесь он делает большой шаг вперед. По крайней мере, большой шаг вперед по сравнению с Кантом и его предшественниками. По той простой причине, что предшественники Канта и сам Кант считали индивидов свободными индивидами.

Рассматривал права личности как последнюю точку отсчета. Теория Робинзона Крузо. Гегель, с другой стороны, считает, что индивиды достигают рациональности только во взаимоотношениях.

Итак, что же является более важной проблемой? Индивид или социальный институт? Конечно, социальная структура. Упорядоченные отношения. Именно это мы и подразумеваем под социальным институтом.

Закономерно регулируемая модель взаимоотношений между индивидами. Социальный институт. И поэтому, в рамках обобщения, он видит, что она становится гораздо более конкретной.

Именно в социальных структурах мы воплощаем свою мораль. Именно в социальных структурах мы должны действовать рационально. Именно здесь проявляется верховенство права.

Таким образом, ему есть что сказать о семье. И если социальная структура преобладает над личностью с точки зрения конкретности и уровня развития, он не очень-то одобряет развод. На самом деле, он категорически против него.

Именно в этом контексте он и говорит о государстве. И начинает формироваться его политическая философия. Он хочет сказать, что наше индивидуальное сознание, наша индивидуальная свобода достигают своего максимума в контексте суверенитета государства.

Да, вы можете, если хотите, сказать, что в браке у вас гораздо больше свободы, чем вне его. И у вас гораздо больше свободы в государстве, чем в каком-нибудь анархическом мире. Понимаете?

Идеалом для государства, с его точки зрения, является некая конституционная форма правления, где представительство осуществляется не просто отдельными лицами, сгруппированными в соответствии с плотностью их населения, а различными социальными группами, различными социальными порядками, структурами, корпорациями, сословиями, а также муниципалитетами. Потому что дух находит свое свободное выражение в свободе этих групп, а также в свободе личности. Но наиболее полным воплощением абсолютного духа является государство.

Наиболее полным проявлением свободы является суверенитет государства. И именно в этом направлении развивается его философия истории. Потому что если возникновение национального государства, феномена XIX века в Европе, если возникновение национального государства является растущим проявлением свободы абсолютного духа, то эти националистические движения представляют собой, как он понимает, работу божественного провидения в ходе истории.

Видите ли, национальное государство воплощает то, чему мы больше всего преданы. И в этом заключаются философские корни национализма XIX века.

Именно в этом контексте британский гегельянец Ф. Х. Брэдли написал эссе, на которое я ссылался, о моем положении и обязанностях. Видите ли, мой долг — оправдывать ожидания общества. Мой долг, превыше всего, — перед моей семьей, а еще больше — перед моей нацией, понимаете, и еще больше — перед абсолютным, перед Богом.

Это влияет на его взгляды на такие вещи, как война. Он говорит о войне как о проявлении, как об выражении духа нации, суверенитета государства. Война способствует развитию духа нации.

И я думаю, именно в этом гегелевском акценте вы видите знаменитую поэму Теннисона о Крымской войне, «Атака лёгкой кавалерии». Вы её знаете? Помню, мне приходилось заучивать её наизусть в школе, и я не помню её целиком. Но «Атака лёгкой кавалерии» была одной из тех глупых стратегических ошибок, когда кавалерия бросилась прямо под пушки русских.

Так вот, всё происходило примерно так: пушки слева, пушки справа, залпы и грохот, хотя они и знали, что кто-то допустил ошибку. Знаете, это считается самым славным событием в анналах военной истории, потому что оно отражает дух нации. Одна большая глупая ошибка, понимаете.

Да, это гегелевская точка зрения. Ну, я говорил, что из гегелевской философии возникли некоторые крайности этатизма, в частности, итальянский фашизм в XX веке. Хорошо, и в антологии есть пара статей, посвященных его философии истории, и вы довольно легко поймете, о чем там идет речь.

Хорошо, вопрос, комментарий. Вы видите, как всё разворачивается, как всё идёт? Это своего рода обзорный набросок, а сборник даёт более глубокое понимание отдельных моментов. Хорошо, тогда в понедельник мы займёмся абсолютным духом, что будет включать в себя и его философию религии.

На этом мы завершаем наше знакомство с Гегелем.